

**Презумпции причинно-следственной связи между действиями
контролирующего лица и невозможностью полного погашения требований
кредиторов**

Научный руководитель – Чеховская Светлана Алексеевна

Бевз Лада Юрьевна

Студент (бакалавр)

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Факультет
права, Москва, Россия

E-mail: bevez.lada@mail.ru

Субсидиарная ответственность контролирующих лиц за невозможность полного погашения требований кредиторов является одним из наиболее сложных для регулирования правовых институтов. Во-первых, это обусловлено тем, что субсидиарная ответственность является исключением из принципа ограниченной ответственности, направленного на защиту участников от требований кредиторов, её цель - защита интересов кредиторов [4]. Очевидно, что возникает проблема баланса указанных интересов. Во-вторых, большой проблемой является доказывание состава правонарушения, влекущего рассматриваемую ответственность, что обусловило введение в нормы о субсидиарной ответственности ряда презумпций, перераспределяющих бремя доказывания. В частности, нормы о субсидиарной ответственности за невозможность полного погашения требований кредиторов содержат ряд опровержимых презумпций наличия причинно-следственной связи. При анализе данных презумпций возникает вопрос, как они соотносятся с целями института субсидиарной ответственности, принципом ограниченной ответственности, и каково судебное толкование соответствующих нормативных положений при установлении причинно-следственной связи?

Цель работы - выявить выработанные судебной практикой критерии установления обстоятельств, необходимых для применения презумпции причинно-следственной связи.

Достижение данной цели предполагается посредством анализа соответствующих положений Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее - Закон), изменений, вносимых в данный закон, анализа судебной практики и её развития, а также изучения современной научной доктрины.

Актуальность исследования обусловлена, в частности, нестабильностью законодательного регулирования субсидиарной ответственности контролирующих лиц и практики её применения, вызванных указанными выше причинами, а также необходимостью нахождения наиболее эффективной модели регулирования данного института.

Первые два обстоятельства, необходимые для применения презумпции причинно-следственной связи, были введены законом от 28.06.2013 № 134-ФЗ в п.4 ст.10 Закона. Данная статья утратила силу со вступлением в силу Федерального закона от 29.07.2017 №266-ФЗ. Содержащиеся в данной статье нормы о рассматриваемой презумпции были перенесены в ст.61.11 Закона, и были дополнены тремя новыми обстоятельствами. С точки зрения указанной проблематики наибольший интерес представляет презумпция причинной связи

в случае причинения сделкой существенного вреда имущественным правам кредиторов, на ней будет сделан основной акцент в работе.

Применение презумпции причинно-следственной связи, во-первых, прямо ограничено законом по субъектному признаку. В отношении четырёх из пяти презумпций в ст.61.11 определяются субъекты контроля, на которых распространяются эти презумпции. При этом все указанные лица являются контролирующими по формальным признакам. Более широко сформулирована презумпция причинно-следственной связи в случае причинения существенного вреда имущественным правам кредиторов в результате совершения контролирующим лицом или в его пользу либо одобрения им сделок должника. Например, в юридической литературе высказывается как позиция, согласно которой для применения данной презумпции необходимо формальное одобрение, т.е. одобрение лицом осуществляющим формальный контроль [2], так и позиция, из которой следует, что одобрение может исходить в частности от фактического участника, оказавшего влияния на номинального [1]. Кроме того, в данной презумпции есть указание на выгодоприобретателя, которым фактически может быть лицо не осуществляющее формальный контроль. В связи с этим возникает вопрос, должна ли указанная презумпция распространяться на фактически контролирующих лиц, насколько это соответствует целям субсидиарной ответственности и как соотносится с принципом ограниченной ответственности?

Во-вторых, из презумпции, установленной в пп.1 п.2 ст.61.11 Закона, следует, что для её применения необходимо доказать причинение сделкой существенного вреда имущественным правам кредиторов. Прежде всего, возникает вопрос, какие сделки с учётом определения понятия вреда, причинённого имущественным правам кредиторов можно отнести к таковым. В практике судами оцениваются такие аспекты как возмездность отчуждения имущества [7], наличие обязательственных отношений с лицом, в пользу которого были перечислены денежные средства [8], были ли применены последствия недействительности сделки [5]. В ходе последних изменений в законе был разрешен один из вопросов, по которому не было единообразия в практике [6,9]: введена норма в соответствии с которой причинение вреда должно анализироваться независимо от признания или отказа в признании сделки недействительной. Вторая проблема связана с определением критериев существенности вреда. И наконец, существенный вред сделкой может быть причинён в рамках обычного предпринимательского риска. Возникает вопрос, как быть с тем, что субсидиарная ответственность наступает за виновные действия контролирующего лица [3], и как это соотносится с принципом ограниченной ответственности.

В работе будет проведён подробный анализ обозначенных проблем и будут предложены пути их решения.

Источники и литература

- 1) Лотфуллин Р.К. Субсидиарная и иная ответственность контролирующих должника лиц при банкротстве. М., 2018.
- 2) Пирогова Е.С. Критерии установления причинно-следственной связи в составе оснований субсидиарной ответственности контролирующего лица за доведение должника до банкротства // Гражданское право. 2017. № 2. С. 33-37.
- 3) Цепов Г.В. Можно ли судить за алчность? Ответственность контролирующих лиц коммерческой корпорации перед кредиторами за принятие чрезмерного предпринимательского риска при угрозе несостоятельности // Закон. 2016. N 8. С. 98-120.

- 4) Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 N 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // Российская газета. N 297. 29.12.2017.
- 5) Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 17.09.2015 №Ф06-15639/2013, Ф06-13/2015 по делу №А65-10720/2013.
- 6) Постановление Арбитражного суда Московского округа от 28.10.2015 №Ф05-11287/2010 по делу №А41-44976/2009.
- 7) Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 24.01.2017 №Ф09-10907/13 по делу №А60-10461/2013.
- 8) Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 05.09.2017 №Ф04-1010/2016 по делу №А03-23800/2014.
- 9) Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 09.10.2017 №Ф09-1757/17 по делу №А47-13023/2011.